

"МЕСТОИМЕННЫЙ СДВИГ" КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СУБЪЕКТА ДИСКУРСА

А.П. Мартынюк

Принято считать, что именно грамматическая категоризация создает каркас для распределения всего концептуального материала, который объективизируется равноуровневыми единицами языка [1, 91]. В этом плане значительный интерес представляет грамматическая категория рода, классифицирующим основанием которой является пол референта. Английский грамматический род относится к числу синтаксических, а не морфологических категорий. Главным критерием определения рода является согласование, понимаемое как подчинение анафорических (личных, притяжательных и возвратных) местоимений 3-го лица единственного числа их антецеденту-существительному по признаку половой принадлежности его референта [2, 5].

Английская грамматическая категория рода была предметом анализа многочисленных работ в рамках традиционной парадигмы, изучающих её место в системе английского языка [см. 2]. Новизна предпринимаемого исследования определяется помещением английского рода в качественно иную среду, а именно: социальное, психологическое и культурное пространство дискурса, конструируемое общающимися индивидами [3, 17].

Дискурсивная направленность определяет актуальность работы, так как не ограничивает исследователя изучением отражения физической и социальной действительности единицами языка, но позволяет наблюдать структурирующее воздействие дискурса на формирование социо-культурной идентичности его субъекта, в частности, гендерной.

Результаты исследований в области когнитивной лингвистики свидетельствуют о том, что объективируемая в языке концептуальная информация структурирована в виде фреймов. Фрейм определяется как когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов [3, 153; 4].

Фрейм любого уровня может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций. Как единица структурированных знаний, фрейм, легко активируясь в памяти субъекта дискурса, обеспечивает инференционную базу, необходимую для понимания того или иного фрагмента дискурса [5, 276].

Динамика когнитивных образований старого и нового знания отражается в терминах изменения статуса пропозиции при переходе из оперативной в долговременную память, когда она становится частью социо-культурного контекста дискурса, обобщенное и типизированное знание о котором хранится в виде системы фреймовых структур.

В фокусе данного исследования – фреймы минимизированного стереотипизированного знания о признаковых и поведенческих характеристиках, типичных и/или желаемых для индивида мужского и женского пола в англоязычной лингвокультуре.

Для проектирования когнитивных операций по выбору местоимения-анафора при функционировании категории рода в дискурсе используются базовые типы фреймов, выделенные С.А. Жаботинской: предметный, таксономический и компаративный [6].

Когнитивно-психологическая ценность фрейма в порождении и восприятии дискурса состоит в том, что он создает предсказуемый мир с предсказуемыми закономерностями. Оперирование фреймовыми структурами происходит автоматически на подсознательном уровне и не требует усилий субъекта дискурса. Сознание включается лишь тогда, когда он/она сталкивается с чем-то, противоречащим стереотипизированной информации, нарушающим предсказуемость привычного мира, создаваемого когнитивными моделями дискурса. Очевидно, субъект дискурса не испытывает трудностей "вычисляя" нужные анафорические местоимения в соответствии с половой принадлежностью референта, на который указывает антецедент в конкретном дискурсивном контексте [7, 70], ср.:

My roommate is a bore and I don't want to room with him again next year

My roommate is a bore and I don't want to room with her again next year

Когнитивная операция выбора анафора укладывается в простейший компаративный фрейм тождества:

НЕКТО референт (*ROOMMATE* – лицо мужского пола) есть НЕКТО коррелят (*HE*)

НЕКТО референт (*ROOMMATE* – лицо женского пола) есть НЕКТО коррелят: (*SHE*)

В дискурсе анафоры *HE* и *SHE* соотносятся не только с антецедентами, указывающими на референтов лица, соответственно, мужского и женского пола, но и с референтами нелица. Наблюдаются также окказиональные случаи использования анафора *SHE* для указания на референта мужского пола, а анафора *HE* – для указания на референта женского пола. Такие исключения из правил получили название "местоименный сдвиг" [prooun switch – 8, 141]. Последние представляют особый интерес, так как свидетельствуют не только о наличии у субъекта дискурса стойкой ассоциативной связи между какой-то характеристикой и принадлежностью лица к одному или другому полу, но, косвенно, и об отсутствии такой связи для лица противоположного пола.

Единичные примеры описываемой разновидности "местоименного сдвига", вошедшие в картотеку настоящего исследования, относятся к неинституциональному устному дискурсу и принадлежат адресантам мужского пола. Они отражают следующие метафорические ассоциативные связи: "мужчина → интеллект" / "женщина → дефицит интеллекта"; "мужчина → высокий физический потенциал" / "женщина → дефицит физического потенциала"; "мужчина → уверенность в себе" / "женщина → дефицит уверенности в себе".

В анализируемых фрагментах устного дискурса, записанных С. МакКоннелл-Джинет [7, 71-73], пол референта определяется субъектом дискурса на основе ошибочной индуктивно-вероятностной инференции: в (1) как мужской, исходя из стереотипного ожидания от мужчины высокого физического потенциала, обеспечиваемого, в частности, занятиями дзюдо, ср.:

(1) *I've got to drive one of the kids to judo practice*

How long has he been taking judo?

He's a she, it's my daughter

в (2) как женский, исходя из наличия у референта такой характеристики, как нервозность и неуверенность в себе, стереотипно приписываемой женщине, ср.:

(2) *I talked to one of your students who is really worried about the exam*

What does she know about it?

It wasn't a she...

Когнитивная операция выбора анафора в (1) осуществляется на базе предметного фрейма, который дает качественную характеристику референту: НЕКТО (референт X) есть ТАКОЙ (физически сильный). Данная характеристика соответствует этнокультурному стереотипу лица мужского пола, что дает основания для индуктивно-вероятностной инференции на базе компаративного фрейма тождества: НЕКТО (референт X) есть НЕКТО (коррелят *HE*).

Аналогично, когнитивная операция выбора анафора в (2) осуществляется на базе предметного фрейма: НЕКТО (референт X) есть ТАКОЙ (неуверенный в себе). Данная характеристика соответствует этнокультурному стереотипу лица женского пола, что дает основания для инференции НЕКТО (референт X) есть НЕКТО (коррелят *SHE*).

В качестве примера того, как субъект дискурса "отторгает" информацию, противоречащую стереотипу, можно привести достаточно парадоксальный фрагмент дискурса, описанный М. Робертс [9, 20]. Исследовательница зафиксировала в речи преподавателя университета интенциональное использование анафора *HE* по отношению к референту женского пола, студентке, отличавшейся особым интеллектуальным потенциалом, проявляющимся в "сильной" манере письма и отсутствии эмоций.

(3) *I don't know about him. The way he writes is very strong and yet seemingly without emotion. It is very strange for a woman to write like that.*

Очевидно, у представителя англоязычной этнокультуры интеллект, сила, рациональность ассоциируются с прототипическими мужскими качествами настолько сильно, что несовпадение новой информации со стереотипизированной приводит к такому достаточно неожиданному выбору анафора.

В данном случае когнитивная операция выбора анафора построена на столкновении знания о типизированном опыте, заложенном в долговременной памяти и оперативно воспринимаемого факта.

Отмечаются также фрагменты институционального академического дискурса, где профессор университета, многократно использующий в своей лекции анафорическое местоимение *HE* при антецеденте общеродовой референции *student* переходит на *SHE* в контексте низкого академического потенциала референта и неуверенности в себе [7, 73]:

(4) *When a student finally says something after sitting silently half the semester don't intimidate her*

В другом фрагменте известный психолог, соотнося антецеденты *speaker, child, student* с анафорическим *HE*, использует *SHE* в качестве анафора *parent* в контексте заботы родителя о грудном ребенке, ср.:

(5) *When a parent hears her baby cry she rouses quickly*

Это отражает стереотипные представления субъекта дискурса о том, что в роли родителя, ухаживающего за грудным ребенком, должна выступать именно мать. Когнитивная операция выбора анафора укладывается в те же фреймы, что и выбор *HE* в (1) или *SHE* в (2).

Не менее интересен феномен метафорического использования анафоров *HE* и *SHE* с антецедентами нелица, который отражает систему аксиологических ориентиров англоязычных этнокультурных социумов через персонификацию неодушевленного предмета и наделение его стереотипными "мужскими" или "женскими" качествами. Такие случаи "местоименного сдвига" можно условно подразделить на субъектные метафоры, характеризующие мужчину и женщину как отдельно взятых субъектов, и субъектно-объектные метафоры, характеризующие мужчину и женщину в их отношении друг к другу в соответствии с распределением семантических ролей в анализируемых фрагментах дискурса.

Результаты анализа примеров "местоименного сдвига" позволяют выделить базовые субъектные метафорические ассоциации "мужчина → интеллект" и "женщина → сексуальная привлекательность".

Представление о высоком интеллекте мужчины проявляется, в частности, в употреблении анафора *HE* с антецедентами названиями компьютеров в контексте, где имплицуется их надежность и высокая технологичность.

(6) *Your all talking all thinking computer friend may still be far away, but he is already learning to read*

(The Guardian, 16 August, 1985)

В то же время, в контекстах, имплицуемых, что компьютер – это прежде всего машина, которой можно манипулировать, он ассоциируется с женщиной, но уже не в ракурсе высокой технологичности, а в ракурсе его значимости для мужчины, проводящего большую часть времени в работе за компьютером. Последний превращается в помощницу и компаньонку мужчины, заменяющую подругу или жену, которая становится "компьютерной вдовой" [*computer widow* – 8, 151]. В таком качестве компьютер обретает титул "великой соблазнительницы, расточающей очарование":

great seducer ... flaunting her charms

(The Guardian, 7 November, 1985)

и изображается в виде экрана с соблазнительным женским лицом.

Когнитивная операция выбора анафора в обоих случаях укладывается во фреймовую структуру, включающую предметный и компаративный фреймы. Полученная информация: НЕКТО (X нелицо) есть ТАКОЙ (обладающий высоким интеллектом / сексуально привлекательный) соотносится с прототипическими мужскими и женскими качествами и вызывает у субъекта дискурса образ мужчины или женщины. Данная ассоциация, обуславливает выбор анафора: НЕЧТО (X референт) есть как бы НЕКТО (коррелят *HE*); НЕКТО (X референт) есть как бы НЕКТО (коррелят *SHE*).

Типичным примером субъектно-объектной метафоры есть метафора "мужчина → манипулирующий субъект" – "женщина → объект манипулирования", ср.:

(7) *Dear Steve, Bess was nothing but trouble so I ditched her. OK, I know she'd been with me for a while, but she was losing me a fortune. Now I've got my eye on a lovely XRZi*

(London Underground, February 1993)

Фрагмент дискурса (7) включает три основных референциальных актанта: референт-лицо мужского пола *I* и два референта нелица: автомобиль, персонифицирующийся с помощью женского имени *Bess* и анафора *SHE/HER* и автомобиль, обозначенный номинацией *XRZi*. Актант *I* соотносится с актантами *Bess/SHE/HER* как агенс и пациенс. Половая принадлежность референта лица, обозначенного личным местоимением *I* и метафорическая персонификация референта *XRZi* устанавливается на основе вероятностных инференций в рамках прагматической пресуппозиции, включающей, кроме недостающих для интерпретации языковых знаний, социо-культурные знания о том, что характеристики и модели поведения референта *I*, представленные во фрагменте дискурса (7) в англоязычной культуре типичны для мужчины, а референта *XRZi* – для женщины. Именно так а не иначе интерпретируют фрагмент (7) носители английского языка [7, 156].

Когнитивная операция выбора анафора *SHE* опирается на акциональный фрейм НЕКТО агенс (лицо мужского пола) действует на НЕЧТО пациенс (нелицо) ТАК (как манипулирующий субъект на объект манипулирования), что является основанием для компаративного фрейма подобия: НЕЧТО (референт) есть как бы НЕКТО (коррелят *SHE*).

Благодаря структурированному во фрейм знанию субъект дискурса ощущает себя частью привычного, предсказуемого мира. За пределами фрейма мир непредсказуем и чужд. Предсказуемость может иметь отражающую природу, т.е. опираться на опыт субъекта, базирующийся на фактах физической действительности, как, например, том факте, что женщины, за редким исключением, обладают более низким физическим потенциалом, чем мужчины. Однако, чем дальше субъект от физической и ближе к социо-культурной действительности, тем меньше фактов, достоверность которых могла бы быть проверена применением "объективных" научных методик. Реальность социо-культурного мира – феноменологическая реальность. Вряд ли стоит искать объективные основания, которые связывали бы мужчину с такими качествами, как уверенность в себе и высокий интеллект, а женщину – с дефицитом интеллекта и неуверенностью. Однако подобные ассоциации инкорпорированы во фрейм и воспринимаются как расхождение истины. Конструируя привычный, предсказуемый, "естественный" мир, фрейм "втискивает" субъекта дискурса в рамки этого мира, заставляя его/её действовать по законам, задаваемым этими рамками, в рассматриваемом случае, рамками патриархального стереотипа феминности и маскулинности. Эффективность конструирующего воздействия стереотипа на субъекта дискурса связана с тем, что стереотип презентует социально санкционируемые ориентиры и, следовательно, соответствие стереотипу обеспечивает социальное признание, а несоответствие – отторжение обществом. В результате субъект дискурса склонен подсознательно или осознанно следовать модели поведения, соответствующей стереотипным ожиданиям, а не противоречащей им.

Перспективу дальнейших исследований может составить анализ конструирования гендерного измерения социо-культурной идентичности субъекта дискурса средствами не только грамматического, но и других уровней английского языка.

SUMMARY

The article looks at "pronoun switch", a specific case of anaphoric pronoun use in English discourse, involving personification and he/she swapping with human referents. The switch is based on attribution of prototypical features of one class to another. This attribution is metaphorically and/or culturally determined and tends to reflect and construct sexist stereotypes.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Т., Лузина Л.Т. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
4. Corbett G. Gender. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 363 p.
5. Levinson S. Pragmatics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
6. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вісник Черкаського Університету. – Серія "Філологічні науки". – Випуск 11. – Черкаси. – 1999. – С. 12-25.
7. McConnell-Ginet S. Prototypes, pronouns and persons // Ethno-linguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited. – The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers. – 1979. – P. 63-85.
8. Wales A. Personal pronouns in present-day English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 234 p.

9. Mathiot M., Roberts M. Sex Roles As Revealed through Referential Gender in American Language // Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited. – The Hague; Paris; N.Y.: Mouton Publishers, 1979. – P. 1-49.